

поставление с жизнью современного человека, с его миром идей и чувств, с теми духовными запросами, которые определяют его нравственный облик, должно стать и здесь отправной точкой критической оценки».

Таким же был и лейтмотив дискуссии за «круглым столом» «Вьяца ромынякэ».

«Особенно смущает в творчестве некоторых молодых поэтов то, что они начали с изучения правил стихосложения, проблем мастерства, а не с того, что они хотят выразить. Их сначала заинтересовало, как сказать, а не что сказать. Именно на этом вопросе необходимо заострить их внимание. И все же я хотел бы отметить одну интересную черту их творчества, а именно — тенденцию к размышлению, к философскому осмыслению социалистической действительности», — говорил П. Джорджеску.

М. Петровяну заявил, что тоже положительно оценивает философскую направленность произведений многих молодых поэтов. И если говорят о недостатках этих произведений, заметил он, то не потому, что вызывает сомнения их направленность, а потому, что именно подобные стихотворения чаще всего грешат холодной абстрактностью, звонкой фразой, позой. Нельзя мириться с абстрактной, вне времени и пространства, трактовкой ближайших задач социалистического строительства.

Э. Симион добавил, что видит в подобных явлениях следствии того, что иные поэты переносят акцент с искусства как диалога с современностью на искусство как игру. Не менее опасной представляется критику и «абстрактно-минорная тенденция», не имеющая ничего общего с поэтическим обобщением, поэтическим раздумием.

Об опасности ухода от действительности в мир абстракций писал и С. Брату в статье «О работе еженедельника «Лучафэрул» по воспитанию молодых поэтов», напечатанной в «Скынтейе». Об этой опасности много говорилось на творческом собеседовании в редакции «Лучафэрула». Резкой критике подверглись высказывания некоторых молодых поэтов о том, что если их не поймут теперь, то поймут через пятьдесят лет.

«Через пятьдесят лет будет много хороших и разных поэтов, и будут они писать о проблемах своего времени столь интересно, что их современникам вряд ли понадобится ломать голову над заумью, которую ныне не могут понять наши современники», — говорил поэт И. Брад.

Против поэтической зауми выступил и О. Крохмэлничану:

«Конечно, большую роль в поэзии играет намек. Поэт тем самым как бы призывает читателя сотрудничать с ним... Но некоторые поэты превращают усложненность формы в высший закон поэзии. Любая банальность, выраженная усложненно, становится для них поэзией. Вот и

появляются так называемые «туманности, темные места».

Снова и снова звучала на этом своеобразном симпозиуме мысль о том, что только в живой жизни, а не в бесплодных абстракциях поэзия может черпать силу и красоту. И особую весомость придавало дискуссии участие в ней известных, умудренных опытом поэтов, среди которых в первую очередь следует назвать Михая Бенюка, Нину Кассиан и других. На собеседовании в редакции журнала «Вьяца ромынякэ» Нина Кассиан с тревогой говорила о том, что некоторые молодые поэты относятся с меньшим уважением к объективной истине, чем к неким предполагаемым «автономным» поэтическим «законам». В стремлении к этой абсолютно нереальной поэтической автономии Н. Кассиан справедливо усматривает связь с пресловутой, давно отвергнутой жизнью теорией «искусства для искусства». А в своем «Похвальном слове ясности», опубликованном в еженедельнике «Контемпоранул», поэтесса писала:

«Хвала ясному искусству, долг которого — приобщить к истине как можно большее число людей. Хвала ясному искусству, благородному стремлению художника упорядочить свой опыт, выявить порядок и смысл явленной жизни. Хвала ясному искусству, не терпящему легкости и удобств, свидетельствующему об овладении всей сложностью материи, о победе человеческого сознания над хаосом. Хвала нашей ясной поэзии, в которой поэт не стесняется открыто и страстно заявить о своемприятии революционных идеалов, говорить от имени и на виду у всего человечества».

Выступления поэтов Р. Юлиана, Н. Стояна, Й. Георге и других показали, что дискуссия, начатая по инициативе «Скынтейи», вызвала самые благоприятные отклики среди молодых поэтов. В стремлении литературной критики уберечь молодую поэтическую поросль от тлетворного влияния модернизма и абстракционизма, в ее призывах глубже окунуться в гущу народной жизни видят они залог дальнейшего расцвета румынской социалистической поэзии.

«ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ СЛЕВА?»

Этот вопрос задал недавно западногерманским писателям, публицистам, деятелям культуры их коллега журналист Хорст Крюгер. Ответы составили целый сборник, который Хорст Крюгер выпустил в издательстве Пауля Листа в Мюнхене. В числе откликнувшихся на вопрос Крюгера — Генрих Бёль. Его ответ, озаглавленный «Мнение рассерженного», перепечатал журнал «Вельт унд ворт».

Маленькая заметка Бёля, почти реплика, дает как бы мгновенный снимок литератур-

но-политической ситуации в ФРГ. Официальные лица Бонна как высоко ценят «демократические основы» своего государства, что слово «свобода» не сходит с их уст, а критику в свой адрес они прямо-таки рекламируют, называя ярчайшим образцом ничем не омраченной «свободы слова». Наиболее пронизательные писатели ФРГ, известные своим критическим отношением к милитаристскому боннскому государству, давно уже почувствовали неуютную парадоксальность своего положения: они обнаружили, что их оппозиционность не принимают всерьез, что их незаметно для них самих низводят на положение шутов, дерзости которых испокон веков терпели короли, когда были уверены в прочности своих тронов. Если еще иметь в виду, что коммунисты в ФРГ загнаны в подполье, что официальная оппозиция в боннском парламенте представлена социал-демократами, одним из столпов которых является печально известный бургомистр Западного Берлина Вилли Брандт, то можно в полную меру оценить «действенность» западногерманской «оппозиции». Все это нужно помнить, чтобы понять горечь реплики Бёля, обоснованность его возмущения.

«Я не знаю, что значит сегодня быть слева,— пишет Бёль.— У официальных левых есть свое правое крыло, у правых — левое, я слышу, как шумят крылья, но знаю, что ждать взлета птицы напрасно. А сколько средин — у правых середина, у левых — середина, середина правого крыла левых, середина левого крыла правых. И еще существуют безродные левые — без крыльев.

Безродные левые придают пикантность фельетонам, воюют с безродными правыми. У правых тоже есть безродные. Для публики это сущий клад, потому что литературные баталии, обиды, оскорбленные самолюбия сплошь и рядом встречаются в политику. Дрожая от гнева, воюющие стороны сгребают в кучу весь мусор до последней соринки, который слегка отдает доносами. Неприятный запах, и главное — не выветривается. Зато налицо «литературная жизнь», хоть и возвращенная в реторте. Крылья партий шумят, но птица взлететь не может по простой и глупой причине: птица-то сидит в клетке, ее давно уже там прикармливают, и взмахни она левым крылом или правым, это все равно лишь «беллетристика» — клетка достаточно прочна. Можно сочинить загадку: «Стоит ни справа, ни слева, чи в центре — и все-таки не эксцентрик». Отгадка: «Немец перед избирательным участком, никак не могущий решиться голосовать за подбитое крыло».

Для Бёля путаница «левого» и «правого» — не абстрактный образ, не метафора. Он прекрасно понимает, что под бутафорский «шум крыльев» за кулисами вершатся слишком серьезные дела:

«Политики» сообща выработали странный словарь. Вместо войны они говорят

«решающий момент», но когда дело касается деталей, решающий момент распадается на атомную войну и на обычную войну. Звучит как в баре за кружкой пива. Разбомбленные города, танки, пулеметы, расстрелянные пленные — обычная война. Странно, что социал-демократы, после того как провалилось их предложение повесить каждому немцу ружье в платяной шкаф, не предлагают положить каждому немцу атомную гранату на сиденье автомобиля...»

Еще конкретнее становятся рассуждения Бёля, когда он вспоминает о двадцатых годах, которые для многих «левых» стали чем-то вроде золотого века немецкой революционности. Бёля волнуют не мечты о прошлом, а вопрос о возможности продолжения революционных традиций в современной обстановке:

«Безродные левые лелеют несбыточную мечту о золотых двадцатых годах, и никому не приходит в голову спросить себя, почему большинство эмигрантов предпочитает жить в Тессине, в Англии, Франции, Италии, США. С двадцатых годов прошло сорок лет, казалось бы, самая пора для совершеннолетия, для собственного стиля — самая пора для того, чтобы не считать остроумной шизофрению газетчиков... В Аденауэре виноват не Аденауэр — он таков, каков он есть и останется таким, каков он есть, — виноваты другие, все эти честные, разумные мужи, которых с их согласия постепенно растрясает и которые скоро уже сами не будут знать, мужи ли они вообще... Этот же старик губит не одно, а целых два поколения и культивирует нечленсраздельную злобу, которая обрушится на наши же головы. Лозунгом будет: «Я же всегда говорил», отговоркой: «Я же этого не хотел». Лозунги пивного бара, болтовня вместо политики.

Левые, называющие себя теперь еще и безродными, — зрелище совсем плачевное. Право называться безродными имели эмигранты, горькое, дорого стоившее им право. Если же оно возводится в алиби сегодня, здесь, в этой стране, из которой никому нет необходимости эмигрировать, то это звучит как насильно вызванный к жизни сон. Ах, неужели так уж и нельзя расколоть партию и создать себе родину, создать партию, за которую можно было бы голосовать без неприятного чувства, что ты голосуешь за подбитое крыло?

Обращаясь к истории германской социал-демократии, Бёль в нескольких фразах с уничтожающей четкостью подводит постыдные итоги социал-демократического капитулянтства:

«Секрет рокового влияния социал-демократической партии в ее названии: в свое время социал-демократия была

способна на многое!.. Подумать только, что старый Виндхорст в Кёльне, вопреки настоятельным увещаниям папы, мог от имени партии центра открыто заявить «нет» военному государству Бисмарка! Это не была политика за кружкой пива, это было открытое сопротивление. И вот рядом с этим — жалкий, трусливый шепот, когда нынешние политики «в сугубо частном порядке» — только, ради бога, не передавайте! — высказывают свои взгляды о политике в отношении Востока, по вопросам территориальных границ! Пивной бар, который содержат не те, за кем можно признать какое-то право на это, а те, кто объявил политику своим ремеслом».

Как видим, недоверие к политике, столь характерное для многих представителей западной интеллигенции, основано у Бёля на вполне конкретных политических антипатиях. Жаль, конечно, что Бёль, говоря о бессилии «левых» и о несерьезности их «опозиции», не хочет «оглянуться во гневе» и хотя бы отделить в их среде честных от лицемеров. Зато левое лицемерие и в политике и в литературе Бёль клеймит поблёвски хлестко:

«Сплошь штампы, сплошь самообманы, вроде того, например, что дух прогресса издавна культивируется левыми. Сейчас ультрасовременное искусство делают молодые люди, манеры которых консервативны, как у гвардейских лейтенантов 1910 года. Воображаемые монокли (можем дожидаться и настоящих, если кому-нибудь придет в голову, что так «презентабельней», или если оптическую промышленность осенит блестящая идея по части рекламы), губы в презрительной усмешке (*odi profanum vulgus*) * и усталость, такая усталость, ну прямо как у того гвардейского лейтенанта после ночного кутежа в казино. Не удивительно, что симпатии промышленности к беспредметному искусству не только растут, но прямо-таки принимают формы подлинной влюбленности.

Вы спрашиваете, что значит сегодня быть левым? Что бы там ни говорили, это значит сидеть в баре за кружкой пива или у стойки за бокалом шампанского. Они называют себя безродными, не имея на это права. Кто сегодня левый, решают не левые, а правые, левые же из оппортунизма и из примитивной жадности успеха плетутся за ними и вот обгонят левое крыло правых. «Левые» и «правые» — это только вспомогательные понятия, вобравшие в себя самые разные обманы, и уже не один добродетельно настроенный человек был ими обманут. Мы близимся к однопартийному государству, которое позволит шуметь нескольким левым крылышкам. А остальные — сплошь середины. Подпись для картинки: «Между середин»,

* Презираю чернь (лат.).

серединки круглые, как мельничные жернова, и крутятся вокруг самих себя, а кто попадает между ними — того они размалывают».

ОБЛИЧИТЕЛИ ИЛИ УВЕСЕЛИТЕЛИ?

С недавних пор в английской печати стала настойчиво повторяться мысль, что сейчас английская сатира будто бы переживает полосу нового и притом небывалого, невиданного расцвета, что для нее наступил — не более, не менее — «новый Ренессанс».

О большом успехе и растущей популярности «новой сатиры», о том, что она завоевывает сегодня в Англии все более широкую аудиторию, свидетельствуют многие факты.

Выходящий дважды в месяц сатирический журнал «Прайвет ай»*, ныне ставший главной цитаделью «новой сатиры», начал свое существование меньше чем год назад и был сначала захудалым листком, находившим сбыт лишь в студенческих столовых и клубах. Сейчас это солидное периодическое издание, у которого сотни тысяч подписчиков по всей стране. Росту популярности журнала способствовал процесс, который затеял против него Рандольф Черчилль после того, как «Прайвет ай» посвятил целую полосу Уинстону Черчиллю: скандал создал журналу шумную рекламу, с лихвой окупившую наложенный на него штраф в 1500 фунтов.

После успеха «Прайвет ай» в Англии мгновенно возникло еще несколько сатирических журналов такого же типа. Более того, стиль, найденный в «Прайвет ай», был перенят множеством газет, выделивших для сатиры специальные полосы; фельетоны и карикатуры «Прайвет ай» начали регулярно перепечатываться крупнейшими английскими газетами, в частности «Обзёрвер».

Надежным оплотом «новой сатиры» является также «Истэблшмент** клуб» — возникший два года назад клуб, который быстро завоевал известность благодаря своим постоянным «вечерам» со злободневными сатирическими обзорами, неизменно воспроизводимыми в лондонских театрах и мюзик-холлах.

В огромном спросе и грампластинки с записью популярных фельетонистов и актеров, занятых в сатирических программах телевидения. А одна из таких пластинок — чтение номера журнала «в лицах» редакторами «Прайвет ай» — вызвала сенсацию, так как на ней, помимо всего прочего, обыгрывалась запись голоса самого Гарольда Макмиллана.

Но в чем состоит смысл «новой сатиры»? Что она выражает и что в ней, собственно,

* Личный взгляд (англ.).

** Незыблемый строй.